

Сталин и оппозиция

Очень жаль, что сталинцы не пытаются **идеологически** осмыслить совершаемый ими сверху переворот, имеющий, как дальше увидим, **решающее** значение для всей Русской Революции. Если бы Великая Французская Революция не была изнутри осмыслена, освещена соответственным комплексом идей, она казалась бы, да и была бы на самом деле, простой гражданской резней, как и думали о ней ее враги, не приобщившиеся к ее идейному смыслу. А с другой стороны, если-б, например, наша «пугачевщина» была озарена соответственной идеологией, она отошла бы в историю с неизмеримо большим ореолом, чем, скажем, миниатюрное восстание декабристов, вместо того, чтоб быть простым только бунтом, — «бессмысленным и беспощадным». Нашу мысль можно было бы пояснить аналогией отношения между душой и телом в человеческом существе. Если-б существо это не было изнутри одухотворено, освещено своей духовной субстанцией, оно представлялось бы нам простой человеческой тушей. Так и совершаемый сейчас в России переворот, не будучи осмыслен и озарен какой либо, одухотворяющей его идеологией, представляется для одних только **«изменой»** марксистским заветам, а для других — только серией простых преступлений — тем более, что это уничтожение марксистов и коммунистов изображается совершаемым во имя торжества... марксизма и коммунизма.

Однако, и в таком — только **объективном** виде, беря этот поединок между Троцким, выражающим собой, как бы объект переворота и Сталиным, являющимся его носителем, не должно преуменьшать его значение для судеб и самой Революции, и России, и, в известном смысле, всего соврем. человечества вообще.

Несмотря на малозначительность своего внешнего, видимого выражения, этот поединок имеет огромное политическое и даже историческое значение, — в особенности в своих возможных и неизбежных последствиях. Последствия эти могут быть приравнены и даже могут превзойти то значение — в судьбах рабочего движения и всего человечества, — какое имел в свое время раскол (точнее — откол) между II и III Интернационалом. Тем более, что не только ближайшие

причины этого раскола компартии: «фашизация» мира и консолидация новой национально-народной России, с одной стороны, и банкротство и разложение марксизма — в международном и русском опыте, с другой стороны, но и более общие и основные движущие силы его имеют тенденцию не к падению, а к возростанию. А раз будут возростать причины, то будут возростать и их последствия, т.-е. сталинский реформистский реконструктивизм, с одной стороны, и троцкистская, бухаринская и пр. ортодоксальная оппозиция, с другой стороны. Сейчас можно считать битой последнюю, — **защитно-обходную**, ставку Коминтерна, ставку на «Народный Фронт». Компартия везде в мире переходит с наступательного на оборонительное положение, а это убийственно для революционной партии. Кажется теперь больше всего боится своих «побед» именно она сама, ибо везде, где намечается хоть отдаленная угроза коммунизма, как из-под земли, вырастает грозная для него сила фашизма. В страхе перед фашизмом коммунисты стали искать помощи и защиты у... «буржуазии». «Народный Фронт» ведь и есть, ничто иное, как придуманный ими способ укрыться под крылышком «буржуазных» и «полубуржуазных» партий. Чего здесь больше — жалкого положения коммунистов или глупого поведения «буржуазии» — в данном случае не важно. Важно, что «грозная» революционная партия вынуждена искать поддержки и союза у того, кому она по сути своей продолжает «грозить».

В общем международное и особенно внутрирусское положение таково, что господствующий режим в России должен сделать выбор: или «международный пролетариат» и «мировая революция», или русский народ и национальное возрождение России. — Разница между Троцким и Сталиным стратегически и состоит, прежде всего, в том, что марксистский Дон-Кихот, Троцкий, продолжает, вопреки очевидности и здравому смыслу, верить в «международную пролетарскую революцию», а реалист Сталин пытается — пока непоследовательно и не решительно — найти мост в Будущее через национальное самоутверждение русского народа. История, как говорил Герцен, стучится сразу у многих дверей, и путь в Будущее, к новым высшим формам жизни не обязательно должен быть только один: марксистский. Как «все дороги ведут в Рим», так одна и та же историческая Цель может достигаться различными путями, — разница будет лишь в длине и удобстве между соперничающими направлениями. И как раз именно марксистский путь, в данной международной и внутрироссийской ситуации, отнюдь не кратчайший и не самый удобный, а, наоборот, самый трудный и стеснительный путь. Для нас же он вообще ведет в прямо противоположную и гибельную для жизни и культуры сторону.

Повидимому, лишь такого рода соображениями возможно правильно интерпретировать реформаторскую деятельность Сталина, — если не сбиваться на слишком уж простую и даже простецкую точку зрения, что все это — только тактические хитрости и уступки или да-

же, как «догадываются» резонерствующие глупцы, что Сталин про-
сто... сошел с ума.

Тем не менее. — пока еще — борьба между Сталиным и Троц-
ким — это борьба **наших врагов**. Что отделяет нас от Сталина? —
Только одно: компартия. И пока сохраняется эта свора полуразло-
жившихся начетчиков мертвой доктрины, в качестве **монополиста** всей
политической жизни страны, о примирении — не только полном, но
и частичном — не может быть и речи. Скажут: компартия — уже
только морально-политический труп. И это верно. Но таким же тру-
пом в последние годы перед Революцией была монархия; однако,
это не мешало ей восседать на троне русской государственности, у
руля судеб России и русского народа. Точно также теперь компар-
тия — лишь выродившаяся каста паразитов на теле народном, кучка
жалких эпитимов и последышей всюду разоблаченной, разлагательно-
разрушительной доктрины. Но тем хуже, что этот разлагающийся и
разлагающий труп, занимая командующее положение в стране, вле-
чет вместе с собой и ее в могилу, в государственно-национальное не-
бытие. Вот с чем нельзя примириться. Ведь на этот труп — ставка на-
ших внешних врагов. Ведь именно поэтому они сейчас всеми мера-
ми стараются задержать процесс ликвидации марксизма в России,
прибегая для этого к самым изощренным и сложным маневрам и
средствам (см. ст. «К врагам русского народа»), в частности, к под-
купным инспирациям международной прессы, к мобилизации через
своих агентов «левых дурачков» и пр. и пр.

Таким образом, ликвидация **политической монополии** компартии
— вот то условие, то *conditio sine qua non*, осуществление которо-
го не только политически замирило бы и нормализовало страну, раз-
рушило бы враждебную стену, разделяющую власть и народ, но, тем
самым, отвело бы и нависшую и неизбежную до тех пор угрозу вой-
ны, сделав Россию могущественнейшим фактором международной
жизни.

Легальный, т.е. реформистский (а не революционный) исход из
современного тупика России, — а в данных условиях, когда
у дверей нашего отечества во всеоружии стоит
**наготове наш внешний враг, должно предпоче-
тать именно этот, реформистский исход, —** объек-
тивно мыслим в виде целых трех возможных вариантов. — Или в
виде военно-политической диктатуры, своего рода советского бона-
партизма или цезаризма, — такой исход особенно вероятен и жела-
телен в случае войны. Или в виде особого русского фашизма, но для
этого сталинской реформаторской группе пришлось бы, взамен ком-
партии, создать, по примеру Германии и Италии, совершенно новый,
**положительно-авторитарный, правящий слой, ибо не в народе, гото-
вом обоготворить того, кто вырвал бы его из мертвой коммуно-марк-
систской хватки, а именно в компартии с ее бунтарски-революцион-
ной, разлагательно-разрушительной психологией и идеологией, явля-**

ющейся к тому же господствующей сектой и привилегированной кастой, все такого рода реформаторские попытки реконструкции страны встретят главное сопротивление. Или наконец — вариант наиболее желательный и целесообразный — в виде неоднократно выдвигавшейся нами, формулы **демократической диктатуры**, — в качестве, более или менее длительного, переходного состояния к высшим формам государственности, соответствующим уровню и запросам новой наступающей эпохи. Разумеется, возможна также смешанная комбинация всех этих трех вариантов и даже высший творческий синтез их. И именно в таком сложно-комбинированном виде, как будто и движется сталинская руководящая группа. Во всяком случае, в результате такой перестройки режима, **весь народ** должен быть приобщен к творчеству новой высшей жизни, культуры и общества, а **не только** эта, полуразложившаяся кучка невежественных начетчиков губительной, разрушительно-разлагательной доктрины. Но для этого должна быть создана соответственная государственная организация, мобилизующая все творческие силы народа, с одной стороны, и отражающая его чаяния и нужды, его опыт и распыленные стихийные возможности, с другой стороны. Формула демократической диктатуры в данных условиях нам и представляется наиболее отвечающей таким требованиям.

Демократическая диктатура, собственно, значит, так сказать, **конституционная диктатура**, совмещающая, в виде, как либо **юридически фиксированного**, звания главы государства и народного вождя, с одной стороны, и некоего общепародного советского, в данном случае, парламента, с другой стороны, — две основные и образующие линии всякой государственности: централистскую и децентралистскую, сверху вниз и снизу вверх, линии, отражающие, выражаясь философским языком, начала единства и множества. По существу, каждое государство является, в известной мере, демократической диктатурой, ибо каждое государство, даже современные демократии, старается как то совместить и согласовать обе эти основные и образующие линии своей жизни. Поэтому конституционные монархии (своего рода — прецедент для идеи конституционной диктатуры), которые сознательно и последовательно проводят этот принцип, являются и теперь, несмотря на свой архаизм, всюду наиболее благополучными и благоустроенными государствами.

Само собой разумеется, по самой сути дела, такого рода форма государственности не может быть монополией одной какой нибудь партии или общественной группы. При этом, если парламент, — в наших условиях это могла бы быть своего рода **«Советская Дума»**, — может и по необходимости должен составляться из элементов и частей различного рода интересов, настроений и идей, то глава государства и общепародный вождь, как воплощающий начало централизма, единства и целостности, не имеет права отражать **лишь одну** какую нибудь **часть** — в смысле интересов или идей. Ибо тогда он был бы не **главой государства**, а только главарем какой нибудь группы или

партии и не общенародным вождем, а представителем лишь того или иного класса народа. Другими словами, он тогда часть: партию или класс, поставил бы на место целого: государства, народа и, тем самым, реально не мог бы и не имел бы права выступать, как вождь и глава целого.

Повидимому, именно в этой тенденции к своего рода демократической диктатуре и состоит **основная линия** в сложно-комбинированном движении сталинской реформаторской группы. На это особенно указывает, столь напугавшая, новая конституция. Совершенно неверно было бы сказать, что государственно-политическое значение этой коренной реформы Сталина, *gebus sic stantibus*, равносильно нулю. Сталинская конституция могла бы, в некотором смысле, войти в историю со славой и значением знаменитого «Кодекса Наполеона», если бы... если бы не одна единственная статья в ней, являющаяся действительно «ложкой дегтя в бочке меду», статья, сохраняющая монополию компартии и, тем самым, следовательно, узаконивающая чудовищное неравенство, при котором одна сотая граждан имеет право на мысль и общественное действие, а остальные 99/100 обречены на бессловесное и безмысленное существование скотов. Благодаря этой статье, прогремевшая на весь мир, возвестившая новое слово человеческого общежития конституция, может действительно превратиться в очередной трюк привычного, слишком уж привычного, командувательства, в новую преходящую личину все того же коммуно-марксистского протеза, ибо тогда действительно ничего в основном не меняется, все, как и было, остается по старому. Но оценивать этот документ нужно не только формально, но и, так сказать, диалектически, ибо значение его не столько в том, что он юридически дает, сколько в тех политических возможностях, которые он таит в себе. В частности, конституция эта есть несомненно не только некоторый итог пройденного властью реформаторского пути, но и оружие его дальнейшего продолжения и развития. И тут остается, отчасти, верной известная формулировка Лассалля, ибо многое будет зависеть именно от того, как будет в дальнейшем изменяться реальное соотношение сил. Во всяком случае этой конституцией — и формально, и по существу — ликвидируется, т. н., «диктатура пролетариата»: категория «пролетария» замещается интегральной категорией трудящегося. А уже одно это превращает компартию («авангард класса») с ее классовой «пролетарской» идеологией марксизма — в анахронизм, отмирание которого будет неизбежным, если не последует коммуно-марксистская реакция и рецидив в троцкистском духе.

Т. о., уже из сказанного можно сделать заключение — каким должно быть наше отношение к Сталину и Троцкому, хотя и тот, и другой остаются пока нашими врагами. Это отношение может быть сформулировано следующим образом: Сталин есть **враг условный**, Троцкий — **враг безусловный**. Что касается нас, то мы, собственно, требуем от Сталина только одного: **делать то, что он делает, но де-**

вать последовательно и до конца, т.-е., до ликвидации монополии компартии и марксизма. Мы не к реакции зовем и не в прошлом видим исход из настоящего положения. С марксистским настоящим **мы боремся не из прошлого, а из будущего** и ищем не реакционного, а прогрессивного исхода. Ведь прежде всего поэтому наше издание именуется «Третьей Россней».

Беря во внимание то, что сделано и что делается Сталиным, к нему не возможно категорическое отношение: отрицательное или положительное, а лишь **условное** отношение: условно-отрицательное или условно-положительное. Какую, при этом, из этих двух формул предпочесть: условно-отрицательную или условно-положительную — это уже дело стилистического вкуса и политического темперамента, так как по существу обе они означают одно и то же.

То, что происходит в России под руководством сталинской группы — это медленный, безболезненный, производимый малыми, аптекарскими дозами, переворот. И общая квалификация личности и роли Сталина в том, что он — **революционер сверху, реформатор** большого масштаба, каким был у нас Иоанн Грозный, истребивший старый правящий слой бояр и создавший новый, Петр Великий, Александр II, а в других странах: Наполеон, Кромвель, в древности Юлий Цезарь и др.

На этом очевидном факте нужно особенно настаивать, так как всякого рода агенты внешних и внутренних врагов России и русского народа, — в целях дискредитировать, смутить и задержать происходящий реформаторский процесс, стараются, наоборот, всячески «доказывать» и инспирировать, что никакого творчества **нового** нет, а есть лишь «измена» революции. Это слово «измена» они особенно подчеркивают и тычут, им при всяком удобном и неудобном случае.

В действительности именно Сталин есть революционер, — в новом, конечно, конструктивном смысле, а Троцкий — только своего рода революционный консерватор. Ведь Троцкий за то, чтоб все оставалось так, как было, за «перманентное» продолжение того состояния, которое он вместе с Лениным воплощал, и которое должно быть неукоснительным выполнением рецептов Маркса и Энгельса, составленных ими, как говорится, еще «во времена покорения Очакова». Наоборот, Сталин стремится найти какие то новые пути, возвысить, субимировать и переключить революционную динамику в новую высшую конструктивную стадию. Но всякий переход в новый высший этап развития есть, тем самым, оставление предыдущего низшего этапа его. В этом смысле каждая новая эпоха в истории человечества является «изменой» в отношении предыдущей. В действительности, наоборот, в вину Сталину можно поставить то, что он осуществляет свое историческое дело слишком непоследовательно, робко, часто делая, как любил выражаться Ленин, «шаг вперед и два шага назад». Самое же главное: каждый шаг к новому им ознаменовывается, как

шаг, совершаемый во славу... старого, — во славу вящего торжества ленинизма, марксизма и пр. Есть в этом противоестественном, ракообразном движении, так сказать, задом наперед, какая то рабья боязнь перед фетишами старых имен, слов и символов. В результате в Книге истории нечего записать из дела самого Сталина. Ведь запись там производится идеологическими словами, идеями и символами. А как тут что-либо «записать», если в идеологически-символической внешности все остается тем же, даже подчеркнуто тем же. И главное — в глазах народных масс эта благочестиво-смиренная боязнь перед старыми фетишами приводит к тому, что им кажется, что ничего не меняется и не улучшается, что все остается по старому, как было (см. ст. «Что не сделано Сталиным»). В результате не только не происходит психологического разряда антисоветских революционных энергий, и переключения их из враждебных в лояльные, но они искусно используются, в частности, оппозицией Троцкого, — так что этот несправимый марксистский начетчик и заклятый враг России и русского народа, одно время чуть было не стал знаменем некоторых русских национально-народных освободительных сил.

Тем не менее, Сталин ломает мертвящую кору коммарксистской диктатуры и создает «движение воды», воды жизни, творчества весны новой эпохи. Благодаря ему, если он последовательно пойдет по пути велений Истории, на котором находится, исход пашей великой трагедии намечается именно такой, какого можно было желать: безболезненный и вместе с тем, прогрессивный. Может быть, большое счастье России в том, что эта ее страшная революция теперь как бы персонифицировалась в одном лице: это открывает возможности ее наиболее разумного завершения и, тем самым, преодоления. Надо лишь надеяться, что Сталин окажется на уровне этой, выпавшей на его долю, поистине великой судьбы. Мы, во всяком случае, верим, что он отдает себе отчет — какая безмерная ответственность на нем лежит за судьбу России, а через нее, в известном смысле, и всего человечества. Ведь он теперь почти всемогущ. Достаточно было бы его доброй воли, чтоб теперешние враги России, готовящие ей раздел и, быть может, государственное небытие и порабощение, были парализованы в своих замыслах. Для этого нужно было бы лишь **подлинно, реально** раскрепостить силы русского народа, расковать этого великана, парализованного гибельной разлагательно-удишительной системой, замирить и потушить ту потенциальную гражданскую войну, которая неотвратима при этой системе. Сталин мог бы стать народным героем в истинном и высшем смысле этого слова, подлинным спасителем России в этот наиболее критический момент в ее истории, если-б нашел мужество в себе донести до конца ту великую миссию, которая возложена на него Историей. А если нет — то тем хуже для него: **явится другой**, который выполнит это чрезвычайное веление Истории, а его судьба будет судьбой среди прочих марксистских, в частности, троцкистских стервятников, приведших Россию и

русский народ к тому состоянию на краю гибели, в котором он сейчас находится.

Кроме того, Сталин не должен забывать, что исторический процесс есть процесс **временного** порядка, конституирующийся временем, что политика есть функция времени. А это значит, что в историческом процессе определяющее, а иногда, как в нашем случае, решающее значение имеют **сроки**. История совершается **во времени**, и потому все совершающееся в ней должно совершаться **во-время**. Несвоевременное в ней почти равносильно невозможному, не сделанное вовремя, равносильно не сделанному совсем. А между тем, мы видим, что «субъективный» момент в русских делах явно отстает от «объективного» момента. События опережают политику, процессы обгоняют сознание. Многие из возможного сейчас, — еще некоторое время — и станут невозможным. Надо при этом помнить вечное правило в жизни народов, что назревшая необходимость, если она не осуществляется сверху, будет потом осуществлена снизу. Но тогда уже это осуществление явится не славой свершивших его правителей, — ибо все такого рода реформаторы входили в Историю в ореоле ими свершенного, — а их позором и гибелью, ибо История не щадит своих слушников. — ни морально, ни даже физически.

Мы однако, думаем, что даже сопротивляясь требованиям жизни и велениям Истории, Сталин все же **в общем** на пути к положительной развязке нашей великой трагедии.

В качестве реформатора, революционера сверху, он может явиться **центральной фигурой** во всей нашей Революции, завершая и, тем самым, заканчивая негативный мажорантский ее этап, с одной стороны, и зачиная ее высший конструктивный этап, с другой стороны. Такова вообще логика всякой революции. Низший негативный ее этап, когда сознание и воля направлены, главным образом, на отрицание, на разрушение, не может долго продолжаться, так как это значило бы, что он окончился бы смертью, одицием и деградацией всей жизни. Тогда на смену негативным, разлагательно-разрушительным идеям и людям, воплощавшим этот низший этап, приходят другие идеи и люди — с положительным конструктивным пафосом, и, тем самым, — идеи и люди более высокого, именно творческого стиля и размера. Для наступления этого нужно прежде всего **протрезвление**, психологическое освобождение от тех темных и чисто ненавистнических инстинктов и представлений, вместе с которыми в грязи и крови, в ужасах и преступлениях утопали до сих пор. Поэтому, если начинают революции **тупые фанатики** (Робеспьер, Ленин, Троцкий), то завершают ее **гении здравого смысла** (Кромвель, Наполеон, Сталин). Как писал знаменитый Карлейль: «Пока человек будет человеком, Кромвели или Наполеоны всегда будут неизбежным завершением санкюлотизма». Начинает революцию чернь, — в духовном и социальном смысле, — худшее, что в ней есть, способное лишь разрушать, лишь ненави-

деть и убивать; завершает же ее новая «аристократия» (у нас «знатные люди»), лучшее, что в ней создается.

В этом противопоставлении и состоит основное различие между «троцкистами» и «сталинистами». С одной стороны, это группа государственников («сталинская бюрократия», как бранятся троцкисты), революционеров-конструктивистов, с другой — группа разлагателей и разрушителей, сектанских социал-садистов. Троцкисты — это те из коммунистов, о которых можно сказать известными словами, что «они ничему не научились и ничего не забыли», это все худшее, что было в Революции, это то течение, которое, можно надеяться, станет отрицательным символом в очищении и преодолении негативной марксистской стадии ее процесса. Если в идеологическом смысле теперь это только марксистские дон-кихоты, сектанские дурачки, для которых Маркс решил все вопросы, за всех и навсегда, то в практическом отношении они все более превращаются в явных и наиболее подлых врагов России и русского народа, в известного рода орудия, направленной против нашей страны политики.

Наоборот, сталинцы — теперь это уже можно с определенностью сказать — несомненные патриоты. Хотя они и не переросли еще своего марксистского сектантского вероисповедания, но вся практика их чужда и даже враждебна ему. Сталинизм в области мысли — это возврат от доктрины к здравому смыслу, от догмы — к разуму, от марксистского богословия — к знаниям; в области практики — от разрушения к строительству, от негативно-революционной полицейски-сектантской анархии (марксизм ведь и по доктрине анархичен) — к государственности. Сталин — государственный прежде всего. В этом основная его характеристика; при том, государственный в собственном, древне-римском, смысле, воплощенном такими великими носителями этого организующего начала, какими были Юлий Цезарь, Петр Великий, Фридрих Великий, Бисмарк, в наше время, отчасти, Муссолини. Очень важно, что Сталин в своем прошлом — не теоретик марксизма, не идеолог, каким был, главным образом, Ленин, а практик, организатор, боевик. Тем легче ему возвыситься над властью своей партийной догмы, обрести духовную свободу для движения дальше, вперед. Кроме того. — О человеке можно сказать, что он — единственное животное, способное преодолеть самое себя. И этой способностью самопреодоления и, следовательно, перерастания самого себя измеряется величие человека. Поэтому в истории к эволюции были способны именно наиболее одаренные личности. Николай II не мог превратиться, будучи монархом, в революционера, подобного Петру Великому, или даже в Александра II. Бездарности, немощные духовно люди, раз подпав под власть какой-нибудь доктрины или традиции, так и умирают, заполненные и поработанные ею — без движения, без роста, без переоценки и возвышения над ней. В этом отношении Сталин, в противоположность Троцкому, так и оставшемуся при давно выцветшем катехизисе марксизма, вырос до степеней создателя

нового стиля политики, до размеров нового феномена в социальной истории человечества. Конечно, Троцкий тоже менялся, — даже слишком часто, но менялся в дурном смысле. — Не в смысле развития, роста, возвышения, а в смысле вечного шатания, двойственности, непоследовательности. Он, так сказать, менялся не в вертикальной плоскости, в смысле движения снизу вверх, а в горизонтальной, в смысле шатаний из стороны в сторону. Умевший пленять не очень взыскательных партийных старых дев и импонировать известному роду морально-опустошенных «знаменитостей», свысока сюсюкая, взиравших на занимательный опыт социальной вивисекции над русским народом, он в сущности был ничем иным, как декламатором марксизма, всю жизнь фразой и позой скрывавший свое ничтожество. Это красивый маркиз Поза, к сожалению только, лишенный благородства этого последнего, что в особенности сказалось в его политическом и личном поведении после того, как он потерял все, — ибо человек познается в падении. — Виновник горя тысяч и тысяч матерей и отцов, он, например, со слезами негодования взмолился ко всему «буржуазному» цивилизованному миру вместе со своей любезной супругой, когда его вчерашние сподвижники... задержали его сына.

Вся отрицательная критика Троцкого, изображающая нищету, духовную подавленность и политическое рабство марксистского режима — верна, но эта критика — демагогична, ибо все то, в чем изобличает Троцкий Сталина — пороки не только данного руководства, а всей системы, как таковой, за которую Троцкий несет не меньшую, а большую ответственность, чем Сталин, ибо он второй, после Ленина, создатель ее. Кроме того — Сталин стремится как то реформировать эту систему, а Троцкий — за ее «статус кво». Тем самым, он не только один из главных виновников ее, но и виновников, т. е. неисправимых.

Среди других зачатых реформаторских тенденций, в частности, громадное и характерное для Сталина значение имеет выдвинутый им — правда, пока непоследовательно и нерешительно — новый функциональный принцип отбора, — отбора не по сектанско-кастовому критерию: «како верующи», и кто по «социальному положению» твой прабабушка (тот же сословно-дворянский подход, только наоборот), а по критерию: на что ты годен, каковы твои познания, работоспособность, преданность делу, таланты. Социально-политическое значение этого нового функционального принципа отбора — громадно. Логическим завершением его должно было бы быть — упразднение компартии, как подчиняющей государство противоположному сектанскому принципу, во первых, и ликвидация кастово-классового характера государства, во вторых. Но последнее уже фактически (да и формально) сделано; остается сделать, вернее, доделать первое. И мы видим, что почти все основные линии сталинской реформаторской деятельности, то с той, то с другой стороны, упираются все в эту же, предельную и по существу все разрешающую, необходимость, необ-

ходимость ликвидации монополии компартии и ее идеологии — марксизма. Будет разрешена эта необходимость — и теперешняя трагедия нашего народа кончится, не будет это сделано — и в главном все останется в том же, как и было, положении.

И здесь мы находимся у самого корня, у самого первоисточника троцкизма. Собственно, **каждый коммунист есть потенциальный троцкист**. И действительное (а не только видимое) завершение борьбы с троцкизмом может быть достигнуто лишь вместе с преодолением компартии, как таковой. У Сталина и его группы государственников все меньше и меньше врагов за пределами компартии и все больше и больше их, притом, самых опасных, внутри ее, — самых опасных, потому, что они находятся с ним, вокруг него, в личине его друзей, сотрудников, почитателей. И это потому, что компартия — это секта, господствующая секта, во первых, и каста, привилегированная каста, во вторых. А с этим положением люди ее составляющие, никогда не захотят расстаться. Они будут зубами и руками держаться, наплюют на свою честь и человеческое достоинство, чему благоприятствует и их аморальная материалистическая идеология, как это мы с омерзением и наблюдали на процессах самих их лидеров; они вступят в сговор с иностранными врагами России, как и практиковалось уже и практикуется теперь, ибо что им Россия!? что им русский народ!? предадут и продадут этот самый «пролетариат», о котором они, якобы, пекутся, но не откажутся от того господского, монопольного положения, в котором они находятся. Сталинская группа поэтому должна знать, что троцкизм это не **индивидуальное** явление, а **социологическое**, с одной стороны, и идеологическое, с другой. Поэтому всякая борьба с ним путем арестов и расстрелов останется паллиативом, раз сохраняется система его питающая и вызывающая.

Средний коммунист рассуждал приблизительно так: вчера вы над нами, а сегодня мы над вами, при чем это: «вы» — не только «буржуазия» в собственном смысле, а все, кто не «мы»: крестьяне, интеллигенция, даже рабочие, — все вообще беспартийные. Братство, равенство, социальное освобождение, это — «идеология», это, как у попов, там, на «небе», на небе будущего, а здесь, сейчас, среди реальной эмпирии — мы прежде всего новый господствующий класс, новая каста, новые «красные дворяне», как говорится о них в народе. При этом, кто, подобно автору этих строк, будучи выходцем из народа и не принадлежа, в тоже время, к сословию этих «новых дворян», имел возможность наблюдать обе стороны медали нового «предсоциалистического» господства-подчинения, тот знает, какой это молчаливо-подавленный ужас повседневных унижений, попраний самых элементарных прав человеческого достоинства; наглого, подчеркнуто-господского своего положения новых бар, которые держатся в отношении беспартийных, подобно завоевателям среди диких народностей. Не даром сам народ создал, казалось бы, странную поговорку: «Не дай Бог из Ивана — пана». А ведь «диктатура пролетариата» это и

есть диктатура Ивана-пана, диктатура «Ивана», ставшего «паном», это настоящая, подлинная охлократия. Охлократическая же диктатура — самая страшная и жестокая из диктатур, ибо она **противоестественна**: тут низший — интеллектуально и морально — властвует над высшим.

В то же время, однако, несмотря на это смертельное нежелание компартии отказаться от своего господствующего сектанско-кастового положения, она и в идеологическом, и в социологическом отношении уже пережила самое себя, является сейчас анахронизмом, какой то слепой кишкой в современном состоянии и уровне Революции. Об идеологической стороне мы уже говорили. — Она, со своей негативной марксистской идеологией, есть носитель и выразитель уже изжитой и превзойденной негативной стадии Революции. Ее правда — **правда отрицания**, — отрицания старого. Но теперь нужно строить, созидать, мобилизовывать творческие силы народа и давать им положительное направление и пафос. А она органически — и по идеологии своей, и по своей психологии — к этому не способна. Когда то она со своими идеями могла служить и служила, так сказать, диетической пищей истории, — ядовито-опасной, разрушительной, но могущей быть целебной для социально больного народа. А теперь от этой пищи, можно сказать, осталось лишь то, что от нее остается, после того, как она переварена и усвоена организмом: продукт отброса. Отсюда — зловоние морального разложения, которым от нее сейчас так несет.

Но еще более очевидна социологическая сторона этой ее изжитости и обреченности. Во первых, не может же — даже по самой доктрине марксизма — такое положение, когда ничтожная кучка, при том, далеко не лучших, в чудовищной тирании терроризирует подавляющее большинство народа, — продолжаться до бесконечности. **Ведь прошло уже двадцать лет!** Во вторых, — и это главное: после социальной и даже физической ликвидации прежних господствующих классов, исчез самый **объект** диктатуры. Не только в реальности, но даже по новой конституции **все** стали трудящимися, **классов больше нет**. — В таком случае **над кем** же может продолжаться **классовая** пролетарская диктатура!? Соответственные выводы из этого и делают сталинцы. А троцкисты, последователи «перманентной» (т.-е., практически—до бесконечности) революции, это те (новые красные бойре), кто не только не хотят этих выводов сделать, но объявив сталинцев «изменниками», превратились в ожесточеннейшую, никакими средствами не брезгающую, оппозицию. Отсюда наше категорическое положение, что каждый коммунист, **как таковой**, есть **потенциальный** троцкист. Но тогда, с другой стороны, Сталин и сталинцы — и в этом мы вполне согласны с троцкистами — действительно, коммунисты — плохие, «сомнительные». А пойдут ли они и на полную ликвидацию компартии, хотя бы в виде реорганизации и переименования ее

— это уже вопрос их последовательности и если угодно — реформаторского мужества.

Таким образом, найдет ли Сталин в себе силы и прозорливость Ивана Грозного, Петра Великого и других великих реформаторов и революционеров сверху и пойдет ли до конца на том, исторически предопределенном пути, на котором он находится, или нет, — по даже и теперь, поскольку мы не можем не делать выбора в этом его поединке с Троцким, ибо совершается он на нашей спине, на спине русского народа, — вне всякого сомнения, хотя это поединок, повторяем, пока что — **наших врагов**, предпочтительнее мы должны отдать решительно и безоговорочно ему, а не Троцкому. Куда он пойдет в **дальнейшем** и куда приведет Россию и русский народ — мы, по существу, этого не знаем, ибо это вопрос не только политического, но и биографического свойства, а тут мы лишены возможности делать прогнозы. Но и того уже, что им сделано до сих пор **в плане патриотического Дела народов России**, — Россия, несмотря ни на что, не забудет ему никогда. Ибо если он и не спас ее от нависшей угрозы военного разгрома и внешнего порабощения, может быть, даже государственной смерти, то, по крайней мере, затормозил, задержал вышесенные страшного приговора ее исторической судьбы. Без явления Сталина и его реформаторской деятельности, при руководстве, скажем, того же Троцкого, Россия неминуемо стала бы легкой добычей своих внешних врагов. Вот почему они всячески, — косвенно и прямо, — в частности, при помощи негодяев и вырождаков из нашей собственной среды — благоприятствуют этому последнему. Только заведомые политдурачки или маскирующиеся гадины, готовые предать и продать свой народ, где и когда им это будет выгодно, могут думать или притворяться так думающими, что Гитлер, например, хочет «освободить» Россию от марксизма. Именно отсюда, от наших внешних врагов сейчас исходят главные усилия и все ухищрения, чтоб задержать, недопустить тот легальный процесс его ликвидации, который сейчас в России происходит. Потому что благодаря этому процессу уже теперь можно сказать, что грядущая война страшна уже не столько России, сколько **режиму**, что если она и будет для нашего народа предельно трагической, то не будет катастрофической.

Отметим лишь в скобках. Что касается заговора «красных генералов», значение которого **враги России стремятся всячески раздуть**, то здесь имеется столько же доводов, в частности, идущих из иностранных источников, за то, что это был **троцкистско-гермаофильский заговор** (в духе предательства Ленина в 1917 г.), сколько против. И если **верно первое** — тогда ликвидацию его, самую беспощадную, нужно одобрить безусловно. Но, конечно, если бы было верно, что эта группа хотела последовательно, до конца довести то, что, быть может, не хочет последовательно осуществить Сталин, тогда, само собой разумеется, наше отношение должно было бы быть об-

ратным. К сожалению, скольконибудь достаточных данных, говорящих в пользу этого, у нас нет.

Нередко приходится слышать, что Сталин, укрепляя положение России, тем самым, укрепляет и свое собственное положение, а также положение компартии и, следовательно, делает безнадежной нашу здешнюю судьбу. Но если бы даже это было верно, — а это отчасти верно, — то пусть лучше мы умрем здесь, — умрем физически, не духовно, ибо то, чему мы служим — бессмертно и не умрет, — но пусть живет там Россия и русский народ — хотя бы и в таком, болезненно-извращенном, марксистском виде, чем если бы мы вернулись, даже победителями (да минует нас чаша такого рода «победы!»), но в загубленную Россию и к порабощенному нашему народу. Иначе мы были бы недостойными борцами за величие своей Родины и счастье своего народа, и борьба наша не имела бы того безусловного нравственного оправдания, какое она приобретает при этой готовности.

Общий же исход, осуществляемый по инициативе и под руководством Сталина и его группы, исход нашей Родины из того трагического тупика, кончающегося бездной ее гибели, в который она попала, теперь, повидимому, уже не представляет сомнений.

В древне-греческой трагедии для разрешения безысходных положений божество неожиданно при помощи особого орудия вмешивалось в замкнутую цепь развития трагедии и давало ей благостный исход. Отсюда известная фраза: Deus ex machina. Озирая последние события наши и пытаясь заглянуть в их таинственный финал, невольно встает вопрос веры и все больше — уверенности: не явится ли Сталин такого рода смущающим орудием высшего разума истории, его экстраординарной «машинной», которому суждено дать положительный исход из замкнутого круга нашей великой и страшной трагедии.

П. Боранецкий.